

В.А.Ядов,
доктор философских наук,
Институт социологии РАН

Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе

**Еще раз к проблеме критериев
социального расслоения в российском обществе**

Какая теоретическая концепция наиболее адекватна исследованиям структуры социального расслоения в современной России? Этот непростой вопрос прежде всего упирается в явную неадекватность марксистского классового подхода и сомнительные результаты исследований, связанных с "поисками" российского среднего класса в понятиях стратификационных теорий. Что касается классов наемных работников и буржуазии (предпринимателей), то их просто-напросто не существует в качестве хоть сколько-нибудь солидарных и противостоящих социальных субъектов, осознающих свои особые интересы в качестве "классов в себе", а не "для себя". Наш проект, итоги которого были опубликованы в книге "Солидаризация в рабочей среде"¹, обнаружил разные формы солидаризации — корпоративно-коллективистскую советского типа, где в состав коллектива предприятия включена и вся администрация; частично ту, что Ленин называл тред-юнионистской, т.е. профессиональную солидаризацию. Последняя имела место в среде шахтеров в бурные периоды их выступлений, в среде работников атомной промышленности, но в обоих случаях не охватывала всю отрасль и к тому же лидерами выступлений, как правило, были так называемые новые профсоюзы (шахтеры, стоявшие на Горбатом мосту, поносили членов и руководство официальных

---

¹ Солидаризация в рабочей среде / Под. ред. В.Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998.

профсоюзов, именуя их "козлами"). Более того, исследования Б.Максимова обнаруживают противоборство солидаризирующихся в рамках отдельного производства против работников другого производства одного и того же предприятия—объединения ("Кировский завод" в С.-Петербурге, т.е. того самого, который был опорой большевиков в 1917 г.). Его же данные фиксируют на предприятии, принадлежащем иностранному капиталу и вполне благополучному, отчетливую ненависть к хозяевам-иностранцам и т.п.

О солидарном самосознании работников наемного труда в целом говорить не приходится: в опросах рабочие относят себя к таковым менее половины ("Мы — рабочие" — это да, графа "работник наемного труда" заполняется на треть)¹.

Солидарность "буржуазии" — пустой звук, коль скоро здесь постреливают друг в друга и не могут создать действенного союза предпринимателей с должной корпоративной и классовой этикой.

Я не исключаю, что в будущем вполне возможно формирование подлинно классовой структуры, которой в современной капиталистической системе свойственны и цивилизованный переговорный процесс профсоюзов с союзами предпринимателей по отраслям хозяйства, и трипартизм, и соблюдение трудового кодекса, и многое другое. Сегодня приходится читать в новостях, что депутаты, выражающие позицию предпринимателей, не готовы принять КЗОТ, заявляя что им не нужны профсоюзы. Сами же профсоюзы абсолютно не авторитетны в среде рабочих.

Итак, для марксистского анализа классовой структуры российского общества не созрело.

Не лучше и с классикой стратификационных теорий. Во-первых, начиная с Аристотеля, средний слой рассматривается в качестве опоры существующего строя и государства, а в западной литературе этот базисный слой предстает как высоко заинтересованный в стабильности существующего порядка вещей и в экономике, и в политике. По этим критериям подобного социального слоя, не считая бандитских групп и коррупционеров, у нас нет. Достаточно странными представляются расчеты численности среднего класса в наши дни, где критериями отнесения к среднему классу служат такие, например, признаки, как потраченные в течение двух месяцев 4 тыс. руб. или наличие банковского счета в 5 тыс. руб. или владение загородным домом, включая халупу при садовом участке?² Говорят, что надо соизмерять наш средний слой с нашими же бедняками. Это не очень

---

¹ По опросу ФОМ 12 мая 2001 г. (открытый вопрос) 46% респондентов достаточно адекватно определили это понятие, но, по мнению 43%, по найму заняты лишь те, кто подписал контракт с предпринимателем-частником ("богатые нанимают в услужение", "батраки, которые работают на хозяина", "наемный работник — это тот же раб", "крепостной" и т.п.).

² Средний класс в России: Количественные и качественные оценки / Е.Авраимова, Л.Григорьев, Т.Космарская, Т.Малева (рук. и др). М.: ТЕИС, 2000.

убедительно, ибо совершенно противоречит и здравому смыслу, и тем более сложившимся в социологии трактовкам такого слоя собственников, профессионалов высокого ранга, лиц свободных профессий, самодостаточных в экономическом плане и субъективно воспринимающих себя в качестве благополучных и вполне независимых от случайностей судьбы граждан. Подлинно адекватный термин для обозначения этой категории россиян предложен Т.Заславской — "срединный слой", возвышающийся над "базовым слоем" полунищих.

Собственно говоря, к среднему классу можно было бы отнести лиц, занятых в фирмах и на предприятиях смешанного или иностранного капитала, имеющих вполне приличный вклад в солидном банке, и тем самым гарантированных от неожиданных событий на отечественном экономико-политическом пространстве.

Деятельностно-активистская парадигма подсказывает решение проблемы

По моему убеждению, адекватный теоретический подход к изучению *динамических процессов не сложившейся еще в России структуры социального расслоения* предлагает деятельностно-активистский подход, который мы рассматриваем здесь в качестве **методологического принципа**. В чем преимущества этого подхода и какова его общая методологическая идея?¹

Во-первых, идея в том, что современный мир постоянно находится в процессе трансформаций (в глобальном масштабе), а многие регионы — в центре таковых. Ясно, что Россия — именно здесь, в водовороте социальных трансформаций.

Во-вторых, решающим "движителем" социальных изменений выступают социальные субъекты как легитимированные или нелегитимированные лидеры, коллективные движения, гражданские сообщества и... простые граждане.

В-третьих, именно социальные субъекты в зависимости от наличия у них достаточного социального ресурса (по П.Бурдье — символического капитала) способны, и только они на это способны, изменять правила социальных взаимоотношений, включая базисные правила, фиксируемые социальными институтами². Эти индивиды представляются агентами, т.е. действующими своими практиками на трансформации правил (=норм) социальных взаимоотношений.

На первый план выходит понятие "социальный ресурс", или "социальный капитал"³. Последнее достаточно точно, ибо подчер-

---

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Под ред В.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.

² Burns T., Flam H. The Shapping of Social Organizacion. Social Rule System Theory with Application. L.: Sage, 1987.

³ Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Reviv of Sociology. 1998. Vol. 24.

кивает возможность "пустить его в рост", не держать в виде сокровища. П.Бурдые почти идентифицирует понятие "символический капитал" с полем властного влияния субъекта. Но и в работах Макса Вебера мы находим понятие "социальный ресурс" как важная характеристика класса. Тот же научный концепт — социальный ресурс — активно используется в оценке эффективности социальных движений В частности, чем богаче репертуар действий движения, тем выше его "мобилизационный ресурс"¹.

В последних работах Т.Заславской и В.Радаева мы находим отчетливое применение обозначенного подхода. Т.Заславская, например, пишет: "Макросубъекты трансформации российского общества различаются типами, содержанием, интенсивностью и результатами своей активности. Эти качества в значительной мере зависят от имеющихся в их распоряжении экономических, политических, социальных и культурных *ресурсов* (курсив мой. — В.Я.), т.е. в конечном счете — от их общественного статуса"². И далее автор выделяет следующие "разноресурсные" группы и слои: либерально ориентированные элиты; новые экономические элиты; консервативно ориентированные; верхушка коммуно-патриотических сил; верхушка криминального мира; среднее звено бюрократии (чиновничества); массовый бизнес-слой (мелкие и средние предприниматели); социально востребованные профессионалы; социал-демократически настроенная интеллигенция; относительно адаптированная часть базисного слоя наемных работников и крестьян; неадаптированные группы населения и, наконец, неадаптированные, периферийные, люмпенизированные низы³.

В.Радаев перевел в эмпирические индикаторы веберовские признаки класса: имущественные, властные и связанные с престижем в общественном восприятии, а далее провел эмпирическое исследование среди предпринимателей разного уровня, показав различия их "ресурсоемкости" как влиятельных субъектов социального действия⁴.

В общетеоретическом плане аналогичную идею отстаивает В.Ильин⁵, который рассматривает проблему социального неравенства как неравенство индивидуальных и групповых статусных "полей", различающихся объемом и качеством ресурсов, что, в свою

---

¹ *McCarthy J.D., Zald M.N. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 82. N 6.*

² Заславская Т.И. О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 223.

³ Там же.

⁴ Радаев В. Стратификационный анализ постсоветской России: Нововебериаанский подход. Способы адаптации населения к новой социальной реальности / Под ред. И.Бутенко. М.: МОНФ, 2000.

⁵ Ильин В. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000.

очередь, непосредственно связано с ресурсоемкостью социальных агентов, действующих в данных "полях".

Итак, мы можем констатировать, что имеет место некая *универсальная категория* — ресурсоемкость социальных субъектов, которая позволяет рассматривать агентов социальных процессов в самых разных их проявлениях: от социальных групп и слоев, социальных движений, иных гражданских структур и вплоть до отдельных индивидов.

Элементарные составляющие социального ресурса индивидов

Из чего же складывается социальный ресурс российского гражданина и совокупностей граждан, образующих определенный слой? Попробуем обозначить эти составляющие, но не в ранговом порядке, а простым перечислением:

а) прежде всего — это "стартовый капитал" социального происхождения и первичной социализации. Д.Л.Константиновский¹ в исследовании шансов выпускников школ Новосибирской области (1994 г.) продолжить образование в вузе, по сути, прибегнул к анализу влияния на эти шансы стартового капитала. Автор называет его интегральным показателем, включая социальное происхождение как служебно-профессиональный статус родителей, обучение в городской или сельской школе и пол выпускников.

В исследовании 1994 г. по новосибирской области было установлено, что доля поступивших в высшие учебные заведения юношей из семей руководителей и окончивших школу в Новосибирске составила 88,6%, а девушек из той же "страты" — на 23% меньше (65,1%). Из детей крестьян, обучавшихся в сельской школе, среди юношей эта доля была меньше в два раза (37,5%) и девушек в три раза, чем из сильноресурсной группы (19,4%)².

Д.Л.Константиновский пишет, что в Новосибирской области в 1963 г. девять из десяти юношей первой группы планировали продолжить обучение в вузе, а в 1994 г. при намного более трудных условиях постсоветского кризиса, включая частично платное обучение их доля возросла еще больше: почти каждый был намерен получить высшее образование. По контрасту выходцы из слаборесурсной группы — дочери служащих из малого города или поселка резко снизили свои притязания на продолжение учебы: в начале 60-х годов таковых было 80%, к середине 90-х годов лишь одна из трех³.

б) возраст сам по себе является в наших сегодняшних условиях естественным ресурсом личности. Молодежь свободна от груза со-

---

¹ Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х; Самоопределение в новой реальности. М.: Институт социологии РАН, 2000.

² Там же. С. 185.

³ Там же. С. 139-140.

ветских образцов действий и поведения = "хабитуса", мешающего адаптироваться к переменам в жизни общества. По данным опросов, молодые люди более интернальны, более уверены в будущем, больше ценят образование как ресурс конкурентоспособности и т.д. *Пример* из общероссийского опроса 1992 г. (N=2149 человек, данные — П.Козыревой, анализ — А.Помозан, Н.Седуновой и Е.Ядовой). Респонденты в свободной форме давали себе самоопределения в ответ на вопрос: "Кто Вы?" Пропорции ответов с личностными, субъектными самоопределениями в соотношении с самоопределением типа "Я — простой человек" или "Я — тот, от кого мало что (ничего не) зависит" для лиц в возрасте 18-35 лет составили 5,4, для тех, кому за 50 лет — 4,0.

в) просто состояние здоровья.

г) должное образование, квалификация, удостоверенные сертификатом — фактор, отмеченный А.Инкелесом в модели "современного человека"¹, что лишь сейчас становится нам понятным: это — путевка для устройства на приличную работу (отсюда торговля дипломами на черном рынке). *Пример* из исследования 1992 г.: лица с высшим образованием проявляли доминанту субъектности — 7,2, с низким образованием — 3,2.

д) активное владение иностранными языками как особый компонент общего образования и квалификации является сегодня дополнительным ресурсом и служебного статуса, и трансстрановой мобильности.

е) уровень материального благосостояния. *Пример* из того же исследования лица со "средним достатком" в сравнении с бедными — 4,7 против 3,2.

ж) проживание в мегаполисе или крупном городе, в отличие от "глубинки" и сельской местности. Совсем плохо — проживание в монопромышленном городе, где градообразующее производство "дышит на ладан". В большом городе намного шире возможности приложения труда и, следовательно, защита от безработицы. Из упомянутого исследования соответствующие показатели для горожан — 5,4, а для сельских жителей — 4,5.

з) наличие обширной цепи межличностных взаимосвязей (=знакомств), что подчас в нашем обществе сегодня играет решающую роль, особенно знакомства с "нужными людьми".

и) гендерная принадлежность. Она достоверно сказывается, например в бизнесе. По данным А.Чириковой, женщины, занявшиеся бизнесом, как правило, не в состоянии удержаться в нем долго.

к) не исключено, что этнокультурная или, как мы говорим, национальная принадлежность может проявлять себя в качестве социального ресурса или антиресурса в зависимости от конкретных условий деятельности и региона, сферы активности (так называе-

---

¹ Inkeles A. A Model of the Modern Personality: Theoretical and Methodological Issues // Comparative Modernization. N.Y.: Free Press, 1976.

мый эмерджентный фактор социального неравенства, возникающий при определенных условиях)¹;

л) также не исключено, что и принадлежность к религиозной конфессии оказывается "эмерджентным" ресурсом². Некоторые мои коллеги уверяют, что православный консультант в области менеджмента пользуется большим авторитетом у "новых русских" (я думаю, что отчасти это можно объяснить тем, что, будучи не вполне нравственными и отмаливая грехи в церкви, эти люди больше доверяют единоверцу).

Далее — целый комплекс индивидуально-личностных ресурсов субъекта, как-то:

м) высокая личностная самооценка, интернальность (против экстернальности), неприятие позиции страдальца. Эта черта была выявлена и в нашем исследовании онкологических больных в 70-е годы. При одинаковом медицинском диагнозе (рак молочной железы) и оценке стадии заболевания те, кто считали себя больными на 30% чаще не справлялись с болезнью³. К этому можно добавить и способность к саморефлексии, т.е. умению извлекать уроки из собственных ошибок.

н) готовность к риску. Любопытный факт наблюдался в Эстонии периода начала приватизации, в принципе разрешенной, но без детализации подзаконных актов. Эстонцы дожидались так сказать полного комплекта соответствующих законоположений, тогда как представители русскоязычного населения, включая русских, украинцев, евреев и др., стали действовать решительно. К моменту формирования достаточной законодательной базы наиболее "жирные куски" собственности оказались во владении неэстонцев. Одним из факторов, стимулировавших принятие закона о гражданстве, включая знание эстонского языка, был тот аргумент, что неграждане лишались права владения крупной собственностью. Собственники-неграждане, по выражению, М.Лауристинь, оказались "в подвалах": они стали хозяевами небольших магазинчиков и кафе, размещенных в нижних этажах зданий.

о) способность к адаптации и, в частности, планирование своей жизни на значительный срок, уверенность в том, что субъект может контролировать собственную жизненную среду (данные наших исследований катастрофического сознания⁴, обращенность в настоящее и

¹ П.Блау называет эмерджентными такие критерии социального неравенства, которые могут возникнуть неожиданно в данных социально-экономических и социокультурных условиях, будучи со стороны теории непредсказуемыми.

² Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и ее общий знаменатель // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И.Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1998

³ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.Ядова .Л.: Наука, 1979. С. 95.

⁴ Катастрофическое сознание в современном мире в конце XXI века / Под ред. В.Шляпентоха, В.Шубкина, В.Ядова. М.: МОНФ, 1999.

будущее, а не в настоящее и прошлое, а также другие признаки, которые А.Инкелес нашел в качестве свойств "модерной"¹, т.е. самодостаточной, предприимчивой, конкурентоспособной личности.

При таком подходе мы получаем два идеальных контрастных типа. Первый — выходец из "высокостатусной" семьи, молодой и вполне состоятельный в имущественном смысле, обладающий обширными связями с "нужными людьми", проживающий в крупном городе, достаточно образованный и владеющий иностранными языками (что удостоверено дипломом), скорее всего, принадлежащий к "титульной нации" и конфессии, по всем названным выше обстоятельствам — с высокой личностной самооценкой. Типичный же представитель второго типа — некий индивид, вовсе не располагающий жизненным капиталом, т.е. с истощенным социальным ресурсом, — деревенский пенсионер, отягощенный болезнями, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Заключение

Рассматриваемый подход далеко не оригинален. В обзорно-аналитической статье "Социальный капитал: его происхождение и применение понятия в современной социологии", опубликованной в "Annual Review of Sociology" в 1998 г. (а в этом издании публикуются надбoлее актуальные обзоры состояния теории на данное время), Алехандро Портес справедливо замечает, что сама по себе идея социального ресурса общественных слоев, групп и индивидов в разных контекстах и под разными наименованиями рассматривается со времен Конта и Дюркгейма, Маркса и Парсонса. Популярность и "энтузиазм" в обращении к этой методологии объясняется ее чрезвычайной адекватностью к исследованию и пониманию многообразных социальных процессов нашего времени². Я бы добавил: если социология не в состоянии создать универсальную теорию социального расслоения (что и впрямь невозможно, принимая во внимание различия формаций, культур, стабильных и трансформирующихся обществ), то почему бы не воспользоваться **универсальным методологическим инструментом** анализа социальных неравенств? Ведь и впрямь комбинаторика многообразных компонентов социального ресурса (суммарно — социального капитала) прекрасно вписывается и в анализ сословных структур, и в классовый анализ, и в стратификационный, и в изучение интегрированных в систему, равно как и не интегрированных в нее общественных движений, гражданских объединений и сообществ. Наконец, этот методологический подход отлично "работает" в любом

¹ Inkeles A. A Model of the Modern Personality: Theoretical and Methodological Issues // Comparative Modernization. N.Y.: Free Press, 1976.

² Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 21.

эмпирическом исследовании, где всегда возникает проблема ранжирования "респондентов" по их так сказать социальному статусу, каковой реально слагается не из принадлежности к имущим или неимущим, к возрастной когорте или проживанию в мегаполисе (на селе) и т.д., но именно из "гештальта" множества такого рода составляющих плюс индивидуально-личностной рефлексии: к какой, собственно, общности я принадлежу?

Последнее — далеко не последнее в понимании и объяснении социальных неравенств. Напомним так называемую теорему В.Томаса: "Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям"¹. Доказательство: в нашем недавнем российско-польском исследовании по данным из "паспортички" (поляки говорят — "метрички") из респондентов поляков и россиян, попадающих в одну и ту же группу, скажем, достаточно обеспеченных (по сопоставимому в рамках каждой страны размеру душевого дохода и по самооценке — "в основном на жизнь хватает"), поляки в большей мере полагают себя принадлежащими к слою "ниже среднего", а россияне — к "среднему классу". Именно это и есть реальное их положение, ибо поляки берут за эталон средний уровень жизни германцев, а россияне сравнивают свое сегодняшнее материальное состояние и с советским прошлым (когда было запрещено совместительство с основным местом работы, не говоря о прочих "спекулятивных" доходах), и с массой других граждан, пребывающих в бедноте.

Можно ли эмпирически воспользоваться описанной методологией? Полагаю, что да и прежде всего концептуально, т.е. в разработке принципиальной схемы эмпирического анализа. Для более тонкого исследования здесь требуется достаточно кропотливая комбинаторика, так, чтобы определенные группы обследованных образовывали общий для них социально-ресурсный ранг. При этом мы, конечно, должны принимать во внимание, что имеем дело не с социальными общностями — реальными субъектами солидарных действий (как это представлено в подходе Т.Заславской), но именно с социально-ресурсными (по сути, словесными) группами, общественная идентификация которых в некую солидарную общность — превращение коллективного субъекта наших социальных процессов в перспективе может состояться, но может и не кристаллизироваться, что существенно зависит от наличия публичных политиков, выражающих интерес данных ресурсных групп².

Итак, в заключение еще раз сформулируем центральную идею. Она состоит в том, что при сосуществовании и подчас противостоянии разных теорий социального расслоения, полезен методологи-

---

¹ Thomas W. Das Kind in Amerika // Person und Sozial Verhalten. Neuwied, 1965.

² Например, я лично не готов солидаризироваться с Союзом правых сил, будучи по склонности взглядов социал-демократом, для которых "правые" это буржуа-толстосумы, а СПС, по их программе и есть социал-демократы, не сведущие в "теореме Томаса".

ческий инструмент, нейтральный к данной конкретной теории и позволяющий осмысливать эмпирические данные в рамках разных теорий социального неравенства.